
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Б. М. КОНДОРСКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ)*

Часть вторая

Предложена революционная концепция исторического развития. В основе каждого основного этапа исторического развития лежали революции – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно они формировали потенциал дальнейшего развития. Каждый этап характеризовался определенным типом социального сознания и социального пространства. Рассмотрены особенности первого этапа исторического развития – ранней древности, в основе которой лежала неолитическая революция. Основным источником управляющей силы в это время были боги, а правители выполняли роль ее транслятора. Сделана попытка привести в систему социальные институты, которые были характерны для этого периода, такие как реципрокация, редистрибуция, вождество, мужской союз. Для ранней древности было характерно раннее государство, которое играло роль внешней оболочки вождества. Введено понятие Ойкумены как системного единства социального и географического. Все технологические достижения неолита, появившиеся в Передней Азии, затем распространялись по территории Евроазиатской ойкумены вплоть до Китая. Дана характеристика специфики проявления основных структур и институтов ранней древности, помимо Передней Азии, в Египте, Греции, Китае, Тропической Африке, Америке.

* Окончание. Первую часть статьи см. в предыдущем номере, с. 5–36.

Для цитирования: Кондорский, Б. М. 2024. Революционная концепция исторического развития (ранняя древность). Часть вторая. *Историческая психология и социология истории* 1: 38–77. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.02.

For citation: Kondorsky, B. M. 2024. Revolutionary Concept of Historical Development (Early Antiquity). Part two. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 38–77 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.02.

Историческая психология и социология истории 1/2024 38–77
DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.02

Ключевые слова: революция, ранняя древность, реципрокация, редистрибуция, мужской союз, вождество, раннее государство.

Проблемы государственности

Для более полного понимания характера государственности на Ближнем Востоке лучше сначала рассмотреть сообщество месопотамских богов. Верховный бог Ану – источник и активное начало всякой власти. Затем появляется Энлиль – бог грозы. Когда богам стали угрожать силы хаоса, они избрали своим царем и защитником юного Энлиля. Ану олицетворяет власть, а Энлиль – мощь. Власть Ану носит естественный природный характер. Власть Энлиля зиждется на силе, принуждении. Ану и Энлиль олицетворяют власть и законную силу как две составляющие государства. Ану делает Вселенную организованным обществом, а Энлиль делает это общество государством (Франкфорт и др. 2001: 182–183). Здесь в лице Энлиля явно просматриваются следы института мужского союза, о котором речь пойдет ниже.

В начале ранней древности государство воспринималось как большая семья (Берлев 1972: 100). Власть в этот период является органической частью социального пространства, его «скрепляющим раствором», организующим началом. Она воспринимается людьми как нечто естественное, природное. Власть и принуждение в период ранней древности еще находятся в разных измерениях. Носитель власти не имеет права на принуждение.

На примере богов мы видим как бы два типа власти. Власть традиционную, уходящую своими корнями в ранний неолит, и новую, военную – формирующуюся уже на базе мужского союза. Это нашло свое выражение в институте лугаля.

Бога Энлиля в шумерских текстах часто называют лугалем. То же самое относится к богам отдельных городов. Термин «лугаль» выражает полноту власти, подобной власти «хозяина». Энси был представителем общины перед общинным божеством (Дьяконов 1959: 122).

Вначале происходит концентрация власти в руках жречества и храмов (Ковалев 2002: 46–47). Правитель города – энси – обладал административными и жреческими полномочиями. Энси возглавлял сельскохозяйственные работы, активно занимался строительной деятельностью (Антонова 1998: 143–144). Центром каждого шумерского города был храм городского божества, в котором обычно располагались продуктовые склады. В храмах впервые появляется письменность, обусловленная хозяйственными нуждами

(Емельянов 2001: 63). В этот период храмы и храмовые хозяйства следует рассматривать как своеобразный источник суверенитета.

Легитимность власти в раннем государстве основана на сакральных свойствах правителя, вере в его сверхъестественную способность обеспечить процветание страны (Кочакова 1995: 159).

Для Месопотамии была характерна царственность как харизма власти, имеющая самостоятельный характер от ее носителя. Царственность дается городу, а затем ее правителю (Бондарь 2008: 131–132). Бог, вручая правителю царственность, делает его своим наместником (Вейнберг 1986: 123). Вавилон был объявлен вечным обиталищем царственности (Якобсон 1989: 28–30).

Появление института лугалей было связано с усилением роли армии и ее профессионализации. Обычно лугалями становились относительно молодые люди, которые проявили себя в войнах с соседями. Появляется внешний характер государственной власти. Лугаль – это прежде всего военачальник, стоящий над общиной.

В староассирийских текстах слово «лугаль» применяется по отношению к богу Ашшуру и иноземным правителям (Там же: 19). Как известно, в Риме все цари были людьми со стороны. Военные вожди пытались взять храмовые хозяйства под свой контроль, что впоследствии им и удалось (Ковалев 2002: 119, 160). Лугальзагеси довольствовался тем, что принимал в каждом городе от местных старейшин жреческие титулы (Емельянов 2001: 166; Якобсон 1989: 24).

Все государства до державы Хаммурапи имели номовую структуру. При Хаммурапи в Вавилонии уже не было номов. Областями государства управляли назначаемые царем администраторы (Якобсон 2004: 126).

Следует отметить, что шумерский путь политического развития (социального пространства) с самого начала был закольцован. В Шумере не было понятия «вперед». Не было возможностей для прогрессивных реформ (Емельянов 2001: 77, 99).

Саргоном была предпринята попытка радикальных реформ. Произведена замена номовой олигархии назначаемыми царем чиновниками. Была создана массовая армия, набираемая из общинников-земледельцев (Дьяконов 1959: 147). Однако в старости против Саргона поднялось все население Аккада. Его потомкам постоянно приходилось бороться с общинной элитой. Речь шла о тысячах репрессированных общинных лидеров. Никто из преемников Саргона

не умер своей смертью (Емельянов 2001: 79–82). Саргониды так и остались зависимы от городских общин (Якобсон 2004: 126).

Саргон опередил свое время, как это случилось в Египте с Эхнатоном. То же самое в определенной степени касается Хаммурапи и Шамши-Адада в Ассирии.

Элита ранней древности отличалась консервативностью. Династии всех вышеперечисленных «реформаторов» быстро сошли на нет.

Хеттский правитель не только должен был защищать свою страну как верховный военачальник. Как источник божественной силы он совершал регулярные объезды территории страны для создания своеобразного сакрального барьера от влияния внешних «злых сил». Царю приписывались две основные функции – внешняя (военная) и внутренняя (обеспечение плодородия) (Ардзинба 1982: 22, 100).

Управление государством, особенно на первом этапе ранней древности, носило хозяйственный характер. В старовавилонский период дворец воспринимался как большой Дом, как большое хозяйство. Восшествие Хаммурапи на престол обозначено выражением «он вошел в Дом отца своего» (Оппенгейм 1990: 77, 124). Дворец, в частности, руководил проведением общественных работ по прорытию новых и расчистке старых каналов (Козырева 1988: 108–109). В Египте чиновники, вплоть до высших, непосредственно руководили всеми хозяйственными работами (Франкфорт и др. 2001: 121).

В Хеттском государстве мы имеем дом царя, дом царицы, дом дворца как поля кормления. Государственно-царскими землями царь управлял через своих рабов. Все государство было покрыто сетью «каменных домов», которые являлись многопрофильными хозяйственными комплексами и контролировали общинные земли. Все храмовые хозяйства также относились к царскому сектору (Менадбе 1965: 102–103, 148). Подобного рода дома-крепости как хранилища продуктов были характерны для Урартского государства (Меликашвили 1975: 27). Здесь мы имеем нерасчлененность хозяйственно-организаторских и управленческих функций (Кочакова 1993: 22).

В раннебронзовый век царь защищает основные потребности своих подданных. У Селевкидов единственной целью царской власти является власть, обеспечение блеска правителя. Не государство для страны, а страна для царя. В Египте, Хатти царская власть существует для обеспечения потребностей людей страны. Ценность царской власти измеряется ее ценностью для людей. Царь – это тот,

кто умножает добро (Немировский 2009: 20–23). Даже в Ассирии цари неоднократно подчеркивали, что приходят на помощь убогим, заботятся обо всех слоях горожан (Бондарь 2008: 203).

Для хеттов было характерно телесное восприятие государства и его границ (Довгялло 1980: 65). То же самое касается Индии, где государство представлялось как телесная структура. Основные элементы царства воспринимались как члены тела (Романов 1978: 28–29). Все население Египта в период Среднего царства считалось сакральным телом фараона (Берлев 1972: 40). По-видимому, подобного рода тип сознания был характерен и для других регионов.

В Финикии мы имеем гражданскую общину главного города и царскую территорию, на которой находились зависимые города и царские крепости. В царский сектор входили корабли, морская торговля и заготовка леса. Царь не мог вмешиваться во внутренние дела гражданской общины (Циркин 2004: 264–265). В Сидоне и Тире царь был главой государства, верховным судьей и командующим вооруженными силами (Он же 2001: 377). Здесь мы уже не имеем института «священного царя». Правитель считался просто ставленником богов (Шифман 2004: 249).

Возвышение ассирийских правителей и присвоение им титула «лугаль» связано с военными победами. Первые правители были главными жрецами. В Ассирии представители военно-бюрократической знати оттесняют на второй план представителей старинной родовой знати (Якобсон 1989: 20). Царь – в первую очередь военачальник (Бондарь 2008: 204).

Однако отношения между общиной Ашшура и ассирийскими царями весь период существования были непростыми. Шла борьба между хозяйственным и военным началами. Между линией «Ану» и линией «Энлиля».

Пример Ассирии показывает, что власть правителей в период ранней древности носила зависимый характер, даже если они полностью господствовали над огромной территорией империи. Правитель не был полностью свободен в принятии решений, особенно если они противоречили основам существующего социального сознания и социального пространства. Тип социального сознания и социального пространства оставался тем же.

Царь Тикульти-Нинурта хотел полностью освободиться от влияния городского совета старейшин и построить свою столицу. Он был признан безумным, низложен и убит (Мочалов 2015: 43). Затем цари все-таки покидают Ашшур, но он остается культовым цен-

тром, где правители коронуются и их хоронят. Салманасар V решил отнять у Ашшура привилегии. Его ошибка стоила ему жизни (Бондарь 2008: 136–137).

В Ассирии мы сталкиваемся с достаточно консервативной традиционной элитой Ашшура и энергичными царями, которые смогли военным путем сформировать по тем временам самую большую на Переднем Востоке империю. Однако при этом они оставались «священными царями». Ассирийского правителя тщательно охраняли от болезней и вредных магических влияний, так как от его благополучия зависело процветание страны (Оппенгейм 1990: 80).

В новоассирийский период все-таки были проведены реформы Тиглатпаласаром III. В более ранний период ассирийские цари обычно разоряли и грабили завоеванные территории, истребляли и депортировали местное население, мятежных правителей или сажали на кол, или сдирали кожу (Белявский 1971: 15; Дьяконов 1949: 86; Якобсон 1982: 30). В процессе реформ бывшие клиентские государства были превращены в провинции во главе с ассирийским наместником. Вассальные государства облагались данью, провинции – налогами (Мочалов 2015: 123). Однако эти запоздалые реформы не спасли страну от гибели.

В основе функционирования социального пространства лежит круговорот веществ, энергии и информации. С появлением государства этот процесс ставится под его контроль. Особенно это касается потоков информации (Carneiro 2000: 186). В период ранней древности носителем социальной информации были престижные вещи, которые играли исключительно важную роль в легитимации власти правителя (Бромлей 1988: 112; Гуляев 1993: 59; Кочакова 1983: 7). При царских дворах обычно состояли придворные ремесленники, изготавливавшие их (Андреев 1982: 291). Внешняя торговля предметами роскоши находилась под контролем государства (Удальцова 1988: 145; Шифман 1963: 14).

Именно реципрокация и редистрибуция престижных вещей была базисным фактором формирования и поддержания социального пространства. Раздавая престижные вещи своим подчиненным, правитель должен был отличаться в этом отношении щедростью (Березкин 2005: 178; Кочакова 1995: 159). Что касается письменного учета, то он находился в органическом единстве с хозяйственной деятельностью и не представлял собой самостоятельного феномена.

Как уже говорилось, одной из основных функций государства был контроль личностного потенциала. Во второй половине ранней

древности для общинного сектора характерны кризисные явления. С одной стороны, община уже не может эффективно контролировать своих членов, а с другой – многие общинники лишаются участков своей земли в силу разных причин. В этот период возрастает роль царского сектора, который «связывает» земледельцев, оказавшихся за пределами своих общин, ставит под свой контроль.

Появление царского сектора можно связать с формированием института лугалей-гегемонов в середине 3-го тыс. до н. э. в Шумере. Лугали имели свою дружину (состоящую из людей различного происхождения) и были относительно независимы от городских общин и их руководства. Они вознаграждали своих сторонников обычно храмовой землей, которую пытались взять под контроль различными способами (Дьяконов 1982: 58–59).

Все лица, находившиеся на службе у царя, считались рабами. В данном случае это понятие означает состояние зависимости. Это касается и придворных, членов дружины, различного рода чиновников (Циркин 2004: 293–295; Шифман 1963: 345). Зависимость угаритского царя от хеттского воспринималась как рабство (Шифман 1982: 184). Правитель кипрского Карфагена называл себя рабом царя сидонян (Циркин 2004: 264).

Царскими людьми становились и разорившиеся общинники и беглецы из других стран, а также пленники, посаженные на землю (Дьяконов 1949: 108; Шифман 1982: 288). В Эламе разложение общины началось еще в 3-м тыс. до н. э. (Юсифов 1968: 111).

Чужаки и пленники обычно быстро уравнивались в правах с местным населением, и те могли стать администраторами достаточно высокого ранга (Васильев 1983: 47).

Царь жаловал земли в условное пользование. Пожалование царем земли без ответного дара создавало отношения зависимости. Пожалованная земля с ответным даром воспринималась как купля-продажа, характерная для того времени (Шифман 1982: 32–34). Земля выделялась за службу военным и чиновникам (Юсифов 1968: 246–247).

В центре Ойкумены ранней древности (Передней Азии) институт вождества проявил себя больше в скрытой форме, хотя был обязательным этапом формирования раннего государства. В то же время на периферии – в Африке, Америке, Океании – мы имеем или классические вождества, или государственные образования с ярко выраженным подобного рода базисом.

Как уже говорилось выше, именно вождество является своеобразным инструментом утилизации избыточного продукта. Без этого социум превратился бы в своеобразное «социальное болото». Именно избыточный продукт является фундаментом власти лидера вождества (Васильев 1983: 29).

Формирование раннего государства происходит не путем смены вождества, а путем своеобразного нарастания государственной оболочки, которая может быть тонкой или толстой. Вождество сохраняется внутри раннего государства, пока существует избыточный продукт, а вместе с ним и такие социальные явления, как реципрокация, редистрибуция, институт священного царя. В конце ранней древности в рамках ранних государств происходит редукция вождества и вышеозначенных институтов. Особенно хорошо это видно на примере финикийских городов-государств и Израиля.

Особо хотим обратить внимание на следующее. Политических образований в период ранней древности, которых можно назвать собственно государствами, по существу, и не было. Ближким к таковому можно назвать только Новоассирийское царство и Карфаген. Но и здесь государственность носила больше внешний, чем внутренний характер.

Внутри собственно государства мы имеем отношения эксплуатации. В основе функционирования государств ранней древности лежало разделение труда между управителями и управляемыми, то есть с взаимным обменом полезной деятельностью (Там же: 39). Государства этого периода оставались едиными хозяйствами. Если мы возьмем капиталистическое предприятие, то между его руководством и работниками нет отношений эксплуатации. Они существуют между хозяином предприятия и его работниками (включая и руководство) как пролетариями.

Классические племена в период ранней древности практически не играли определяющей роли в формировании государств того времени. Кутии в плане государственности так и не смогли создать ничего основательного. Шамши-Адад хотя и был выходцем из племени амореев, но возглавил уже сформировавшееся на базе Ашшура вождество. К тому же после его смерти «империя» быстро распалась.

Что касается дискуссии по поводу соотношения племени и вождества, то она базируется на примерах более позднего времени, к тому же регионов, находящихся за пределами магистрального пути исторического развития (Carneiro 1987: 760; Service 1971:

103–104). На Среднем Востоке многие местные племена возникли в результате децентрализации вожеств, вследствие ухудшения экологических условий хозяйствования (Коротаев и др. 2000: 40; Коротаев 2002: 207). Это лишний раз подтверждает тезис, что вождество связано с наличием избыточного продукта.

Особый интерес представляет Израильское государство, которое реально имело племенную базисную структуру (Шифман 2004: 244). Но в этом плане оно как бы опередило время. В сознании израильского народа уже тогда сформировалась концепция договора между народом и богом Яхве (Он же 1967: 39), что было характерно для второго этапа исторического развития. А вот все основные цивилизации поздней древности – иранская, греческая, римская, арийская, чжоуская – были основаны классическими пастушескими племенами, без прохождения стадии вожества. Естественно, они отличались по наличию потенциала развития от тех же североамериканских. Племя племени рознь.

Мужской союз

Когда мы говорим о политическом, нужно иметь в виду, что «политическое» невозможно внутри общины. Первыми, кто оказался за пределами традиционной общины еще в период глубокой древности, оказались молодые юноши, еще не вступившие в брак. Появился институт так называемого мужского союза. Обычно молодежь жила в отдельном лагере за пределами общины и не привлекалась к сельскохозяйственным работам. Основной функцией подобного рода молодежи были, с одной стороны, набеги на соседние селения с целью угона скота, а с другой – защита своей общины. Обычным явлением были ритуальные набеги на свою же деревню (Андреев 1964: 47; 2004а: 51).

Во многих древних языках понятие «молодой человек» («юноша») используется в понимании «смутьян», «возмутитель спокойствия». В праязыковом значении это «половозрастная группа юношей-воинов, в мирное время угрожающих спокойствию социума». Впоследствии эти группы эволюционируют в привилегированное военное сословие. Наиболее доблестные становятся военными вождями (Кулланда 1993: 279–280).

В период кризиса традиционных общин широкое распространение получало изгойство, когда молодые люди образовывали самостоятельные объединения – банды, которые терроризировали мирных скотоводов и земледельцев. При определенных условиях

они могли предоставить свои услуги уже по их защите. Так в свое время поступил Ромул с товарищами, заключив общественный договор с общинами римских холмов. Члены его банды стали почетными сенаторами (Нечай 1972: 10–11). Архетип мужского союза лежал в основе появления полисов в Греции (особенно Спарты).

То же самое относится к Александру Македонскому и его окружению, имевшим типичное сознание мужского союза и державшимся в своих походах подальше от родных общин. Первичные христианская и мусульманская общины имели тот же архетип.

Исключительно важную роль институт мужского союза играл у кочевников. Ашина, основавший Тюркский каганат, был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов, не ужившихся в своих традиционных общинах (Гумилев 1993а: 22). Их тотемом был волк, являющийся символом мужских союзов многих народов иранского, тюркского, славянского происхождения. Темучин объединил племена Центральной Азии, опираясь на «людей длинной воли» – изгоев самого различного происхождения (Он же 1993б: 223).

Волк (собака) был символом мужских союзов у многих народов. Аполлон имел волчью ипостась. Этого бога связывали с государственным устройством и переходом юношей в полноправный гражданский коллектив (Кулишова 2001: 60–61). То же самое относится к иранским и славянским этносам (Вдовченков 2013). Типичный архетип мужского союза имели опричники, вплоть до мелочей. Обязательным их атрибутом была прикрепленная к лошади собачья голова.

В Месопотамии военный руководитель – лугаль – избирался из молодых людей (Антонова 1998: 144). Он опирался на своих личных сторонников и дружину. Здесь явно просматриваются корни мужского союза. Лугали противостояли традиционной общинной элите в лице энси, который занимался руководством хозяйственными работами (Там же: 143). В Ассирии царь – прежде всего военачальник (Бондарь 2008: 204).

В Израиле Давид, собравший вокруг себя вольницу и державший в страхе население, противостоит царю Саулу (Токарев 1991: 343). У Давида была своя дружина из людей самого различного происхождения. Захватив Иерусалим, он тем самым поставил его вне Израиля, вне контроля народного собрания, сделав его своей личной вотчиной (Шифман 1989: 71). Царская власть в Палестине выросла из власти военного предводителя (Он же 1967: 38).

Саргон происходил не из царского рода. Согласно источникам, мать Саргона тайно положила младенца в корзину и отправила ее по Евфрату (Емельянов 2001: 75).

Месопотамские правители любили подчеркивать свою безродность. Это относится и к Саргону, и к ассирийским царям. Правители помнят мать, которая родила родоначальника их рода, но не помнят отца. Делается намек на божественное происхождение (Зубов, Павлова 1995: 59). Просматривается аналогия с божественным происхождением Ромула, отцом которого якобы был Марс (Токарев 1992: 387).

Как и все другие архаические институты, мужской союз играл обязательную роль в формировании ранних государств в Передней Азии, но в скрытой форме. И не получил своего внешнего развития, как это было характерно для Америки, Тропической Африки.

Тайные (мужские) союзы существовали у многих североамериканских индейцев. Эти союзы за счет магии, террора и вымогательства господствовали в обществе. В поздний период они использовались богатыми для утверждения своей власти (Аверкиева 1961: 83).

У кочевых команчей существовали военные ордена, куда вступала молодежь, не имевшая семьи (Она же 1970а: 118). У ирокезов заслуженные молодые воины, объединенные в орден Сосны, постепенно захватывали власть в руководстве Лиги, став военной элитой. Грабительские войны усиливали власть военных вождей, в руках которых скапливались значительные богатства (Она же 1970б: 40).

У ацтеков существовал союз орлов и ягуаров, имевший архаические корни. Воины-орлы и воины-ягуары были неотъемлемой частью руководящей верхушки и воспитывались в подростковом возрасте в Домах юношей. Даже «ягуары» и «орлы», имевшие семьи, все равно большую часть времени проводили в мужских домах (Калюта 2000: 124, 131).

Между правителями, стоявшими во главе государств юкатанских майя, велись непрерывные столкновения ради захвата добычи и рабов. Это способствовало возвышению военных вождей, поддерживаемых молодыми воинами, которые находились в конфликте с традиционным руководством племени (Гуляев 1993: 46).

Тропическая Африка была самым настоящим «заповедником» различного рода обществ на основе архетипа мужского союза. Существовали тайные общества людей-леопардов, людей-львов, лю-

дей-крокодилов. После появления европейцев тайные общества превратились в политическое орудие местной знати, которое использовалось ею для запугивания и террора населения (Иорданский 1982: 202–203). В Бенине существовал мужской тайный союз Окерисон. Его главой признавался правитель-оба. Союз занимался поддержанием внутреннего порядка, активно участвовал в придании сакрального ореола верховному правителю (Бондаренко 2001: 189; о роли мужских союзов в политогенезе см.: Гринин 2020).

Тайное общество Поро, появившееся в XV в., дожило до нашего времени и только усилило свое влияние. В ряде стран Тропической Африки Поро контролирует воспитание подростков, которые живут в специальных лагерях. Идеология тайных обществ активно использовалась во время недавних этнических конфликтов (Денисова 2012: 47–48).

И еще очень важный момент. Современные экстремистские исламистские организации имеют хорошо выраженный архетип мужского союза, представляя собой своеобразную опричнину.

Египет

Особое положение занимает Египет. Весь парадокс его развития заключался в том, что, с одной стороны, он имел абсолютно тот же архетип, что и месопотамская цивилизация, но, с другой стороны, характер его реализации по многим позициям внешне чуть ли не кардинально отличался. Поэтому ему будет уделено особое внимание.

В истории Древней Греции и Рима просматриваются три основных периода, когда происходил процесс развития: архаический, классический и инерционный. Кстати, то же самое наблюдается с развитием достаточно крупных групп организмов в процессе биологической эволюции. Полисной Греции предшествовал так называемый гомеровский период. В Греции инерционный период наступает с появлением младшей тирании. В Риме инерционному периоду соответствовал принципат. Доминат был уже связан с упадком существующих социальных структур, деградацией и социального пространства, и социального сознания.

Если мы возьмем Египет, то Раннее и Старое царство можно отнести к архаике, Среднее царство – к классике, Новое царство – к инерционному периоду. Додинастический период очень похож на гомеровский. Основное различие заключается в том, что кризисный характер переходов в Египте носил гораздо более глубокий

характер. Нечто похожее имело место в истории Ассирии. Египет представлял собой относительно самостоятельную ойкумену, которая каждый раз, исчерпав потенциал своего развития, оказывалась в состоянии кризиса.

В связи с этим следует особо остановиться на том кризисе, который разразился в Египте в последние столетия 3-го тыс. до н. э. вследствие разрушения Старого царства. Распад единого государства, стремление номов к экономической и политической обособленности, их соперничество и борьба друг с другом пагубно отразились на единой ирригационной системе – основе хозяйственного благополучия Египта. Памятники эфемерных VIII–X династий полны сведений о годах страшного голода, о пашнях, превратившихся в болота, о пустующих полях, которые некому обрабатывать (Виноградов 1982: 112).

Д. Б. Прусаков связывает нарушение социально-экологической стабильности в этот период со снижением уровня разлива Нила, что было для Древнего Египта одним из опаснейших экологических бедствий, сопровождавшихся сокращением площади самых плодородных заливных земель. Превращение этого процесса в устойчивую тенденцию неизбежно должно было привести страну к экономическому кризису (Прусаков 1999: 126).

Как уже говорилось выше, природные факторы не могут оказывать определяющее влияние на социальные процессы. Данную проблему следует рассматривать с диалектических позиций. В случае Египта мы имеем региональный (вмещающий) ландшафт долины Нила, где хозяйственная деятельность человека становится неотъемлемой частью природного круговорота еще в додинастический период. Хозяйственная деятельность, выступая в качестве географического фактора, образует с природными условиями своеобразный хозяйственный комплекс, в пределах которого происходит взаимное приспособление компонентов, функционирующих в едином ритме.

Здесь уместно привести аналогию с действием наркотиков, которые в процессе употребления становятся неотъемлемой частью обмена веществ. Резкое прекращение приема наркотиков вызывает кризисное состояние, сопровождаемое нарушением многих функций организма. Нечто похожее имело место в истории Египта. Снижение уровня хозяйственной деятельности и изменение его характера в Первый переходный период могло оказать дестабилизи-

рующее воздействие на природную систему региона долины Нила (Кондорский 2018: 70–71).

Основные технологические достижения неолита носили сакральный, космологический характер. Происходило формирование собственного мира как модели мифологического мира, в первую очередь в сознании. Все достижения неолита способствовали формированию своего круговорота веществ и энергии (Шеркова 2004: 255).

Формирование сакрального пространства Египетской ойкумены шло на основе союза с местными божествами царей Тинитского царства путем сооружения «крепостей богов» – святилищ (Прусаков 2004: 144). В 4-м тыс. до н. э. появляются первые вождества. Происходит образование номов за счет консолидации местных общин (так же как и в Месопотамии). Роль консолидирующего начала играл сакральный центр, связанный с культом местного божества (Шеркова 2004: 168, 174).

В основе существования Старого царства, его социального пространства, лежал дарообмен между столичной и номовой администрациями. Египет представлял собой образование интегративного типа. Каждый ном имел в своем центре «город» как сакральный центр, посвященный богу-покровителю данной местности – Амону, Тоту, Птаху и т. д. Государство и храмы ни в понятийном, ни в хозяйственном понимании не были разделены. Понятие государства подразумевало именно совокупность владеющих землями храмов и их богов. Жить в городе – значит находиться поблизости от бога, который этим городом управляет. Каждый египтянин служил своему богу (Ассман 1999: 38–39).

В основе государства лежит контроль личностного потенциала. Данное положение полностью проявило себя в период Старого царства. В этот период основной производственной ячейкой социального пространства были так называемые вельможные хозяйства, которые полностью «связывали» и контролировали население Египта. Доминировал полный примат хозяйственной деятельности. За результаты хозяйственной деятельности вельможи отвечали перед фараоном (Перепелкин 2000: 120).

У египтян не было понятия государства. Был Дом. Понятия управления, владения, распределения находились в синкретическом единстве. В основе власти лежало право всего этого. Высшие чиновники назывались распорядителем войска, распорядителем работ царя, распорядителем дома оружия. Существовали дома-

заповедники как хранилища продовольствия и других ценностей (Перепелкин 2000: 94–95, 226–227).

Номовые вельможи руководили своим хозяйством, которое воспринималось как Дом, на основе редистрибуции. Последняя была основой хозяйственной власти номовых вельмож. Основной рабочей силой были бригады неспециализированных работников (так называемые «ладейные ватаги»), которые могли перебрасываться для любого рода деятельности – земледельческой, скотоводческой, строительной, ремесленной (Прусаков 1999: 126–131). В надписях областных князей речь идет о распоряжении зерном, скотом, работниками (Перепелкин 1966: 114; 1988: 28). Причем все это воспринималось сознанием того времени в одной плоскости.

Везде доминировали чисто социальные законы. Все простые египтяне были обеспечены приемлемым минимумом продовольствия, одежды, жилища. Обычными в гробницах областных князей были надписи типа: «Давал я хлеб и пиво голодному, одежду нагому» (Он же 1988: 9; 2000: 123). Особо отличившихся работников (например, ткачих) вельможи могли лично награждать дорогими ожерельями (Он же 2000: 133). По существу, мы имеем здесь самый настоящий колхоз. Кстати, так же как и в период III династии Ура (Шерашенидзе 1986).

Все делалось на паритетных началах. Каждый знал и понимал свое место в социуме.

Однако к концу этого периода начинает проявлять себя личностный потенциал. Каждый начинает больше думать о себе, о своих интересах. Происходит автономизация номов.

В Старом царстве единство страны заключалось в основном в лице фараона. Любые проблемы в правящей династии тут же сказывались на стабильности социума. В основе административных отношений на всех уровнях лежали реципрокация и редистрибуция. Соответственно, отсутствовала эффективная система государственного принуждения.

В Переходный период получают распространение личные вертикальные связи, которые в прошлый период были невозможны вне государственного аппарата. Появляются неформальные лидеры, которые обладают влиянием благодаря своим личным качествам. Формируются неформальные группировки молодежи. В «Поучении Мерикара» их называют смутьянами и говорунами. Для наведения порядка их рекомендуют безжалостно истреблять. При этом уни-

чтожать не только лидеров, но и их сторонников, включая детей и всех родных (Демидчик 2005: 110–112).

Уже в рамках Среднего царства были учтены уроки предыдущего периода. Главным делом правящего фараона становится регулирование трудовых ресурсов, их классификация, проведение ежегодных смотров. Каждый человек имел наряд на определенную работу. В зависимости от характера выполняемой работы человек получал определенные права и соответствующее имущество. Египтянин занимал определенное положение не в обществе, а в системе производства (Богословский 1981: 19; 1984: 65).

Народ, помимо чиновников, должен был принадлежать к определенной профессии, к определенному занятию. Вне этого человек не мыслился. Все население было разбито на ряд профессиональных занятий (Берлев 1984: 30).

Любое праздное времяпрепровождение было исключено – разительный контраст с Поздней Римской республикой и периодом Империи, где этого «добра» было предостаточно. В Леванте был развитый царский сектор, который связывал «свободные атомы». Здесь же мы имеем тотальную систему контроля. Самоуправляемый общинный сектор перестал существовать еще в период Старого царства.

Все население Египта, включая ближайшее окружение фараона, воспринималось как его рабы и называлось «царские люди» – *hmww*. Все они воспринимались как лица, прислуживающие своему господину, творящие его волю. Подразумевалось, что египтяне являются частью сакрального тела фараона. Кстати, люди, посылаемые с царским поручением за пределы Египта, считали себя частью тела фараона (Берлев 1972: 40, 170). Вся деятельность в Египте сводилась к особе фараона. Считалось, что только он творит (именно творит) зерно, скот и даже людей (Он же 1978: 37).

Понятие *hmw* (в смысле тела) в первую очередь имело отношение к самому фараону. Считалось, что сакральная управляющая сила, которой обладают боги, проявляется через тело фараона. Фараон предстал как *hmw*, как орудие божественной силы, полностью подчиненное ее воле и движимое этой силой (Он же 1972: 42).

Здесь нужно иметь в виду, что идеограмма Хора-сокола как божества была неизменной частью обозначения египетского правителя. Сокол был олицетворением силы (Демидчик 2005: 17). Бог солнца Ра передавал свою силу фараону через бога-сокола Хора. Считалось, что Ра наполняет Египет силой жизни (Зубов, Павлова

1995: 37). Есть толкование о превращении Ра в божественного сокола и возникновении его hmw (тела) в лице фараона, как бы его своеобразное «овнешнивание» (Ладынин 2009: 17–20). В любом случае египетский правитель выступает в качестве транслятора божественной управляющей силы, которую получает от бога Солнца Ра через бога-сокола Хора, а затем распределяет ее среди придворных и чиновников.

Поразительное сходство. Рюрик в качестве тотема имел сокола. Сокол был связан с солнечным богом Сварогом и считался его зооморфным воплощением (Грот 2015: 345–347). Соколиная символика активно использовалась русской княжеской династией (Рапов 1968).

Проникновение в духовную культуру древних египтян – задача чрезвычайно сложная и в полном объеме неразрешимая (Демидчик 2005: 8). Египетская версия фразы: «Человек убил кролика» выглядела бы так: «Давание человеческое (совершаемое человеком) зайца на бок» (Чегодаев 2001: 38).

Мышление древнего египтянина не было способно абстрагировать все возможные проявления и качества одного человека до понятия «личность». Быть в качестве кого-то или чего-то воспринималось как пребывание в этом ком-то или чем-то. Как можно находиться внутри какого-то помещения, так можно пребывать внутри (функции) писца, номарха, отца, сына – даже «меня», «тебя» и т. д. Человек, занимающий какую-то должность или выполнявший какую-то функцию, пребывал в ней, словно в некоем помещении, заполняя ее, как жидкость заполняет сосуд (Там же: 43).

Выше уже обращалось внимание на синкретическое восприятие человека и принадлежащих ему вещей. Особенно это было характерно для сознания египтян. Египетский язык не имел глагола принадлежности. Принадлежность выражалась «то-то для того-то». Понятием «собственности» было отнесение к плоти (туловищу) как самости данного лица. Дом собственный его (дом плоти его), скот собственный его, брат собственный его. К плоти могли принадлежать слуги, зависимые родственники, животные, строения, вещи и даже земля (Перепелкин 1966; 2000: 120–122). Египтянин воспринимал любую принадлежность как часть своего туловища в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова.

В Египте социальное сознание отличалось крайней консервативностью (Померанцева 2004). При Эхнатоне были потрясены древние устои. Его реформы полностью противоречили устоявше-

муся мировоззрению. В своем обожествлении Эхнатон далеко превзошел своих предшественников (Богословский 1983: 294–296). Попытки ряда специалистов трактовать египетских фараонов в качестве божеств не соответствуют реальности. Как уже говорилось выше, сакральный правитель в период ранней древности воспринимался только как транслятор божественной силы.

Попытка Эхнатона выйти за пределы системы не имела никакого дальнейшего развития. То же самое относится к Саргону и Хаммурапи, реформы которых опередили свое время.

Греция

Географически Греция находилась рядом с переднеазиатским центром Евроазиатской ойкумены. Поэтому все нововведения в социальной структуре общества, все технологические новшества через небольшой промежуток времени оказывались на ее территории и затем проникали далее в Европу.

В XXV–XXIII вв. начинают появляться военно-административные центры объединений племен, для которых характерны здания-кладовые. В Лерне (в XXII в.) дворец правителя состоял из многочисленных помещений различного назначения, в том числе крупных хранилищ натуральных продуктов и престижных вещей (Удальцова 1988: 140). Здесь мы видим то же самое, что наблюдалось в начальный период ранней древности в Передней Азии. Дворец так же играет роль культового центра, объединяя в рамках сакрального пространства население региона.

Особый интерес вызывает цивилизация, появившаяся в первой половине 2-го тыс. до н. э. на Крите, – крито-кикладская монархия (XVII–XIV вв.). Кносский дворец представлял собой огромное сооружение с более чем 300 комнатами. Дворец имел водопровод и канализацию. Имела место продуманная система вентиляции и освещения. Для сравнения, даже в период классики греки жили в полутемных жилищах без ванн и уборных со стоком. Большая часть дворца была занята кладовыми. Имелось много престижных вещей, выполненных на высоком художественном уровне. Стены были покрыты многочисленными фресками. Найдено много культовой посуды, что говорит о выполнении царем жреческих функций (Андреев 1982: 280–281).

Просматриваются интересные параллели в плане комфортности проживания (и не только) с хараппской цивилизацией, которая исторически приблизительно соответствует вышеуказанному периоду.

ду. В городах на берегу Инда была аккуратная планировка, продуманное санитарное устройство, совершенная дренажная система и канализация. Дома отличались великолепной кирпичной кладкой, тщательностью строительной отделки, строгостью и простотой форм, продуманностью архитектурного замысла (Альбедиль 1994: 66–69). Обе цивилизации погибли в результате внутренних причин.

Все это может говорить о наличии фундаментальных исторических закономерностей. Период Чуньцю в Китае имеет много общего с тем, что наблюдалось в этот период в классической Греции. Римская империя и держава династии Хань в Китае имеют один и тот же архетип. Вплоть до мелочей.

Минойские цари становились таковыми по воле богов и могли общаться с богами, вести с ними беседы. Подобного рода общение обеспечивало процветание народа (Молчанов 1983: 106).

Помимо общинного сектора существовал царский, куда, в частности, входили мореходы и придворные ремесленники. Все они были самого различного происхождения. Имелся мощный флот, который обеспечивал обширные торговые связи с Левантом и Египтом (Удальцова 1988: 149–151). В сообществе мореходов явно угадывается архетип мужского союза.

После гибели крито-кикладской монархии появляется крито-микенская цивилизация, сформировавшаяся уже на базе ахейских греческих племен, мигрировавших сюда с севера Балкан. Она очень многое переняла у своих предшественников. Снова появляются огромные дворцы, характеризующиеся четкой и симметричной планировкой и наличием многочисленных кладовых (Андреев 1982: 288–289).

Имели место общинный и царский секторы. Существовала целая сеть сельских общин, имевших свои земли (земли дамоса). Однако Дворец полностью контролировал хозяйственную деятельность и царских людей, и общин. Для общества того времени было характерно много категорий земель, в особенностях которых специалисты еще полностью не разобрались. Различие в категориях земли имело фундаментальное значение для социальной организации и предполагало различные типы обязательств перед Дворцом (Полякова 1978: 89, 107). Существовала «частная» земля, которую нужно понимать в сравнении с общественной. Один и тот же человек мог иметь отношение к различным типам земли. Широкое распространение получила аренда (Она же 1983: 42–44).

Здесь мы имеем нечто похожее на Египет. Дворец вел тщательный учет земель, которые находились в ведении общин и отдельных лиц. Учитывая их хозяйственные возможности, давал задание по выращиванию определенного количества зерна, откорма скота, свиней, домашней птицы. То же самое касается и ремесленников, которым, как и в период Среднего царства, давали определенное задание, обеспеченное нужными материалами. Как в Шумере и Египте (Дьяконов 1982: 58), наблюдалась дробность профессий. Надзирательство пронизывало всю систему дворцового хозяйства и его функционирования. Был организован тщательный учет и контроль (Полякова 1983: 68–72).

Как и в других регионах, мы здесь имеем ту же двойственность власти. Царя ванаку, выполнявшего жреческие функции («священного царя»), и лавагета – военного предводителя. Есть предположение, что лавагетов было несколько (Она же 1978: 220–221; 1983: 62–68).

Причины гибели микенской цивилизации до сих пор являются предметом дискуссии. Между приходом дорийских племен на Пелопоннес и гибелью микенских государств имеется почти столетний хронологический разрыв. Дорийцы не имеют отношения к гибели цивилизации. Появившаяся через несколько веков Темного периода классическая Греция самым кардинальным образом и внешне, и внутренне, и в плане социального сознания отличалась от микенской эпохи (Андреев 2004б: 60, 69).

Китай

В середине 2-го тыс. до н. э. в бассейне реки Хуанхэ появляются протогородские центры с монументальной архитектурой (Рыбаков 2002: 193). Наиболее известным и изученным стало государственное образование, известное в научной литературе как Шан-Инь. Здесь все носило сакральный, ритуальный характер. Правитель (ван) выступал в качестве верховного жреца и посредством жертвоприношений обеспечивал покровительство божественных сил (Рыбаков 2002: 200). Здесь надо иметь в виду, что контроль внешних природных сил, олицетворяемых богами, находил свое выражение в ритуальной деятельности (Баум 2006: 25) как канале связи между людьми и потусторонним миром (Иорданский 1982: 177). Жертвоприношения можно рассматривать как форму дарообмена (Степугина 2004: 386).

Просматривается известное сходство с Древним Египтом. Основу власти вана составляла сакральность его фигуры, возможность контактировать с верховным божеством Шанди и небесными предками в качестве транслятора божественной силы (Васильев 1983: 158–159; Крюков 1988: 110). Ван отвечал за все. На него ложилось бремя ответственности за урожай, за организацию сельскохозяйственных работ, поддержание порядка, защиту подчиненных ему общин и племен (Васильев 1995: 184).

В протогосударстве Шан можно было выделить две основные зоны – внутреннюю и внешнюю. В центре находились собственно иньские роды-общины, имевшие свою территорию (Крюков 1961: 9). Все хозяйственные работы проводились отдельными общинами. Территория общины воспринималась как поле, то есть природное пространство, освоенное путем проведения сельскохозяйственных работ. Главы родов находились в договорных отношениях с ваном и подчинялись его приказам – точнее, приказам Шанди и божественных предков. Подчиненные роды обязаны были присылать дань (в основном скот), которая использовалась в ритуальных целях для жертвоприношений. Обычными были ритуальные трапезы с закланием 300–400 быков, в которых участвовали тысячи человек (Рыбаков 2002: 199).

Так же как и в Инкской империи, существовали надельные хозяйства, дававшие жизнеобеспечивающий продукт и большие общие поля, где производился избыточный продукт, предназначенный для общественных нужд. Прочность шан-иньской политической структуры не была связана ни с насилием, ни с принуждением по отношению к собственному населению. В основе функционирования данного образования лежали традиционные нормы реципрокности и сакрально-легитимированная фигура правителя-вана, выступавшего в функции связывающего единства (Васильев 1983: 135–137, 150).

По аналогии с Египтом, зависимые от вана иньские роды можно рассматривать как часть его тела. Придворные слуги как исполнители приказов вана воспринимались как часть его «личности». Представители «администрации» правителя обозначались иероглифом «чэнь», представлявшим схематический рисунок глаза (Васильев 1998: 99).

Шан-Инь противостояли «фан» – племенные объединения, составлявшие внешнюю зону. На заключение договоров с шанским правителем о мире и добрососедстве племена подвигала не только военная мощь вана, но и тот факт, что в рассматриваемом регионе

он был единственной сакральной фигурой. Поэтому, заключив договор, племена могли рассчитывать, что посредством контактов с божественными силами ван сможет обеспечить и их благополучие (Думан 1970: 15).

Здесь мы имеем сакральную региональную ойкумену, пространство действия соответствующих законов и институтов, включая земледелие, которое носило ритуально-магический характер (Васильев 1998: 100). Внешние племена включались в иньскую ойкумену посредством дани. В свою очередь, ван регулярно посылал в периферийные области своих посланцев, которые совершали здесь жертвоприношения обоженным предкам шанского правящего рода (Там же: 98). Имела место своеобразная форма установления своего сакрального суверенитета.

Однако не все племена шли на такой контакт. Оракульные тексты говорят о регулярных военных походах Шан (Степугина 1982: 154). Постоянные войны с враждебными племенами были кровопролитными и продолжительными (Думан 1970: 14–15), велись в основном с целью захвата пленных (Степугина 1950: 68–70), которые затем обычно приносились в жертву путем сжигания или закапывания в землю живыми. Принесение большого количества военнопленных в жертву было характерно и для Месопотамии (Васильев 1976: 262; Дьяконов 1982: 60). Не надо забывать, что термин «жестокость» в современном понимании здесь не подходит. В сознании людей того времени подобного рода ритуал имел жизненное значение для существования социума.

К концу 2-го тыс. до н. э. Шан-Инь полностью исчерпал свой потенциал. Поэтому приход «свежей крови» в лице племенного объединения чжоусцев был более чем естественен. Поразительное совпадение. Несмотря на огромное расстояние, гибель ранних государств бронзового века в Восточном Средиземноморье происходила практически одновременно с Шан-Инь.

Тропическая Африка

Вследствие географической изоляции в Тропической Африке процесс социального развития носил крайне замедленный характер. Протогосударства типа сложных вожеств появляются только во 2-м тыс. н. э. Однако базовый архетип в своих основных элементах был такой же, как и в период ранней древности.

Наиболее характерным образованием подобного рода является Древний Бенин. Сакрализованный верховный правитель, являясь

символом единства и процветания, находился на грани миров и связывал их друг с другом (Бондаренко 1993: 155; 2009: 158). Перед нами типичный «священный царь» как источник благоденствия и процветания, связующее звено между народом и духами предков (Кочакова 1993: 30).

У ньюоро основной власти правителя служила субстанция махано, которая могла передаваться от верхних эшелонов управления к нижним. Именно махано позволяла поддерживать порядок, обеспечивать процветание социума (Куббель 1988: 92).

В процессе развития этого института усиливается роль различного рода табу, которое заметно ограничивает возможности верховного правителя непосредственно управлять государством (Бондаренко 1993: 156–157; Куббель 1988: 93). Подобного рода тенденции были характерны именно для периферийных регионов (Америки, Океании, кочевых государств).

Появление вождеств связано с повышением производительности труда, в частности с появлением в середине 1-го тыс. н. э. железа. Объединение общин и вождество шло на договорной основе в форме редистрибуции и взаимообмена. Вождество воспроизводило большесемейно-соседскую общинную социокультурную модель. Город был немислим в отрыве от деревенской округи и вне общинной организации (Бондаренко 2001: 62–68).

То есть по типу сознания горожанин особо не отличался от жителя сельской местности. В основе власти руководства вождеств лежал контроль над распределением и обменом (Попов 1993: 139).

В случае вождества не обязательно речь должна идти о земледелии. У нилотских народов вождество формировалось на основе разведения скота. Резиденция верховного вождя строилась по той же модели, что и домохозяйство простого пастуха (Кобищанов 1982: 72).

Вождества в Африке оказались весьма консервативными и живучими структурами. Колониальное правление Запада и последующие современные независимые государства были не в состоянии или не считали возможным избавиться от них (Чэбел и др. 2006: 234).

То, чем пользовался царь, принадлежало трону. Даже дворец воспринимался как собственность народа. Верховный правитель формально не имел собственности (Бондаренко 1993: 152). Верховное управление базировалось на регулярно устраиваемых ритуалах, обрядах, празднествах, раздачах престижных подарков бли-

жайшему окружению (Иорданский 1982: 12). Правитель должен быть щедрым (Кочакова 1995: 158). То есть здесь мы имеем все то, что было характерно для начального периода ранней древности Америки, Полинезии и особенно кочевых империй.

Как и во многих других регионах, царь стремился к созданию дворцовой организации, независимой от родовой знати, с опорой на привилегированных рабов. Большую роль здесь играли тайные союзы. В середине 2-го тыс. н. э. появляется новая знать, имеющая свои дружины, состоящие в основном из рабов. Создавались собственные хозяйства новой знати на землях, не находившихся во владениях общин (Она же 1993: 103; 1995: 161).

В Тропической Африке проявил себя феномен, который может помочь понять суть отношения к земле человека не только в этом регионе, но и в той же Месопотамии в период ранней древности. Тем более что вопросы владения землей, возможного наличия частной собственности, характера ее купли-продажи являются предметом научной дискуссии.

В африканской общине отсутствует представление о труде как основном источнике благ и ценностей. В традиционном представлении труд – это полезное занятие для всего коллектива, проявление жизнедеятельности человека в соответствии с его естественными особенностями. Традиция видит в земле прежде всего источник и воплощение личных связей между людьми. Ее ценят и боготворят не за материальную стоимость. Земля не находится в системе вещных, стоимостных отношений (Следзевский 1978: 101–102).

Юридическое разграничение по отношению к сельскохозяйственным угодьям владельческих прав общины и отдельных семей не имеет смысла. В условиях потребительского хозяйства величина обрабатываемого участка определялась хозяйственными надобностями семьи. Доминировал принцип потребительского использования земли (Там же: 79–81).

В Тропической Африке не было ни архаических, ни феодальных революций. В результате базовая основа сознания основной массы населения осталась по существу неолитической. Поэтому такие явления, как геноцид, коррупция, следует рассматривать здесь, исходя из специфики существующего социального сознания (Кондорский 2014).

Это касается и местной элиты. Поразительное сочетание прошлого и настоящего в сознании можно видеть на примере Либерии. Здесь президент Табмен был и членом тайного общества Поро,

и главой масонской ложи, и лидером методистской церкви. Другой президент – Толберт – был и жрецом Поро, и главой всемирного баптистского альянса. Президент Доу стал главой Поро, посещая при этом и баптистскую церковь, и мечеть. На уровне этнического сознания члены политической элиты по существу остаются язычниками (Денисова 2012: 50).

В европейских (и не только) странах капитализм формировался путем разрушения феодальной общины. В обществе, где полностью доминирует традиционный общинный тип сознания, подобного рода процесс полностью исключен. Попытки разрушения общины могут привести только к гибели социума и анархии.

Америка

На характер развития цивилизации в Америке определяющее влияние оказало его изолированное положение. Это определило появление здесь цивилизаций, соответствующих ранней древности в Передней Азии, на 3–4 тысячелетия позже, стало причиной отсутствия колеса, гончарного круга, гужевого транспорта, бронзовых и железных орудий.

У майя сакральный царь поддерживал связь между потусторонним и земным миром, между живущими и их предками. Авторитет правителя опирался на приписываемую ему магическую силу (Беляев 2002: 137; Гуляев 1979: 270). Сакральная сила присутствует в мире и поддерживает существование людей. Царь обладал наибольшей концентрацией божественной силы и воспринимался как наижарчайший владыка, что говорит о его связи с солнцем (Беляев, Пакин 2009: 126–128). Инка находился как бы посередине между верховным божеством и остальными людьми (Березкин 2005: 188). Божественное происхождение приписывали даже атрибутам царской власти: трону, циновке, опахалу, чаше (Гуляев 1979: 221).

Заметное развитие у ацтеков получил институт священного царя. Обожествленный тлатоани не появлялся на людях без особой надобности. Правитель считался символом единства ныне живущих людей и их предков (Баглай 1995: 234–240). В поздний период Ацтекской империи тлатоани перестают появляться на людях без особой необходимости. Каждый его выход представлял исключительное событие (Он же 1998: 328).

У майя города были религиозными центрами. Общинные земледельцы принимали активное участие в ритуальных мероприяти-

ях. Даже небольшие поселения имели свои ритуальные центры (Березкин 1997: 9; Гуляев 1972: 202). Возводились массивные, примитивные по конструкции сооружения. Общественные здания появляются уже в 3-м тыс. до н. э., для их строительства собирались люди со всей долины (Березкин 1991: 64)

Появляется устойчивый избыточный продукт в общинах (Самаркина 1974: 12).

Все это говорит о тех же методах утилизации избыточного продукта и формирования сакрального пространства, что и на Ближнем Востоке. Были случаи, когда построенные грандиозные объекты потом разрушались (Березкин 1991: 99).

Исключительно важную роль играли престижные вещи. При ритуальных центрах у майя работали ремесленники, изготавливавшие парадно-престижные изделия. Власть контролировала престижный сектор экономики и внешнюю торговлю предметами роскоши. Тем самым правители обладали источниками власти, независимыми от управляемых (Березкин 1991: 43–44). Центральная власть покупала верность местных руководителей изделиями из золота, дорогими тканями (дар – отдар) (Он же 2005: 178). По этой причине у ацтеков торговцы имели высокий общественный статус и являлись царскими агентами. Также велик был престиж придворных ремесленников (Баглай 1993: 184–185).

У майя правитель совмещал светские и религиозные функции. Экономической опорой власти служили царские земли, которые обрабатывались рабами и зависимыми людьми. В каждом селении находился царский участок (Гуляев 1979: 219–220).

Региональной особенностью было могущественное жречество, имевшее строгую иерархию и контролировавшее всю жизнь в государстве (Там же: 224). У ацтеков жрецы входили в государственный совет (Баглай 1993: 181).

Уже в 3-м тыс. до н. э. вокруг храмовых комплексов появляются вождества. Границы вождества редко стояли от центра на расстоянии, проходимом за день пути (30–40 км), иначе система становилась неуправляемой (Березкин 1991: 70).

На рубеже XIV–XV вв. Куско эволюционировал из вождества в город-государство, подчинив долину. Древнее Перу было подготовлено к объединению всем ходом своего предшествующего развития. За короткий срок были накоплены огромные запасы продовольствия и престижных вещей. Продовольствие обеспечивало лояльность народных масс, а престижные вещи – лояльность привилеги-

рованных слоев общества. Общины самостоятельно решали свои дела. Инка обычно не вмешивался в вопросы самоуправления (Безкин 1991: 79, 91).

Так же как и на Ближнем Востоке, существовали общинный и царский (государственно-храмовый) секторы (Там же: 96; Гуляев 1976: 210). Земля была собственностью общины и ее бога-покровителя. Общинный надел передавался от отца к сыну в рамках патриархальной семьи (Баглай 1998: 197).

У муисков в поселке могли соседствовать несколько общин. Здесь большую роль играли родственные связи. В пределах общинной земли имелся значительный по размерам участок, предназначенный для обслуживания жрецов и культовых церемоний. Участок обрабатывался всем коллективом общины (Созина 1969: 96–97).

У ацтеков царская земля считалась предназначенной правителю судьбой, землей, которая появилась в результате его военных удач. Земля могла передаваться чиновникам и военным в качестве служебных наделов. Интересный момент: земля принадлежала не самому правителю как личности, а его институту власти. Власть стояла выше правителя (Баглай 1998: 204–207).

Получается, несмотря на то, что процесс социальной эволюции в Америке происходил абсолютно самостоятельно, наблюдается поразительное сходство с архетипом ранней древности в Передней Азии.

Процессы, предшествующие архаической революции

В Западной Европе феодальной революции X–XI вв. предшествовал период Меровингов и Каролингов, когда появляются отдельные внешние признаки, характерные для феодальной формации. Но сам феодализм как система появляется только после феодальной революции. В период Древней Руси не было феодализма как такового. Наблюдался только процесс феодализации.

Нечто похожее наблюдалось в рамках ранней древности в период, непосредственно предшествующий эпохе архаических революций. Появляются многочисленные признаки, структуры, характерные для второго этапа исторического развития. Но они имеют внешнюю форму, отчужденный характер и, главное, не имеют какого-либо заметного потенциала развития в рамках своей исторической системы.

Еще в первой половине 1-го тыс. до н. э. в израильских городах появляется городская община, внешне похожая на гражданскую в античный период. Каждый член общины имел право владеть недвижимостью, участвовать в управлении и ополчении (Шифман 2004: 4). Царь являлся выборным общественным магистратом, который получал свои полномочия на основе договора с народом (Он же 1989: 71–72). Собственно полисного типа гражданско-храмовая община появляется здесь только после плена (Амусин 1955: 35; 1993: 64–67; Вейнберг 1973: 149). Гражданско-храмовые общины появляются также в Малой Азии и Армении (Периханян 1959).

Гражданско-храмовые общины были характерны и для Новоавилонского царства. Это государственное образование занимает промежуточное положение между первым и вторым этапами исторического развития. Ахеменидская держава, несмотря на внешние различия, имела уже в своей основе тот же тип социального сознания и социального пространства, что и политические субъекты античного типа.

Вавилон представлял собой аристократическую республику с ежегодно избираемым царем-магистратом, который помимо жреческих функций выполнял обязанности верховного военачальника и верховного судьи (так же как и царь в раннем Риме). Члены гражданской общины обладали определенными правами и выполняли определенные обязанности. В отличие от чиновничьей должности, магистратура не оплачивалась и считалась почетной (Белявский 1971: 31).

Нечто похожее наблюдалось в городах-государствах Финикии (Шифман 2004: 249).

Организованные гражданские общины города возглавлялись магистратами. Финикийцы, согнанные Ксерксом на строительство канала, устроили на ближайшем лугу рынок и площадь для собраний (Циркин 2001: 378–379).

В период ранней древности происходили изменения и в социальном сознании. Если во времена Асархаддона боги непосредственно помогают царю уничтожить противника, то во времена Ашшурбанапала царь уничтожает противника сам по повелению богов. В поздней Ассирии наблюдался процесс десакрализации и демифологизации. Происходило принципиальное отграничение жрецов от нежрецов (Вейнберг 1993: 167, 196).

Но наиболее характерный пример дает Карфаген. Здесь проявили себя институты, характерные и для греческих полисов, и для Рима. В середине V в. до н. э. Карфаген представлял собой сложный конгломерат городов, областей, племен, находящихся на разных стадиях развития (Шифман 1963: 96). Объединение различных городов с Карфагеном шло на основе договоров (Машкин 1948: 37). Для подобного рода политических объединений может подойти термин «мультиполития», которая состоит из политически субординированных разнородных политий (Коротаев и др. 2000: 42).

На один год выбирались два суффета. Политическая власть принадлежала суффетам, а военная – полководцам. Совет старейшин (своеобразный сенат) состоял из 300 членов. Были даже свои «тираны» в лице Магонидов, семейство которых в V в. до н. э. захватило власть. Гражданский коллектив Карфагена обладал высшей властью (Шифман 1963: 100–101). Перед нами все те черты, которые соответствуют признакам полиса (Циркин 2004: 282).

Однако перед нами реально псевдополис, который не имел потенциала исторического развития и закономерно потерпел поражение в схватке с гораздо более «молодым» соперником. Интересный момент. В Карфагенской державе полностью отсутствовала семитизация зависимых племен и народов, в отличие от греческой эллинизации, чжоуской китаизации, римской латинизации.

Заключение

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. В процессе исторического развития можно выделить следующие революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Каждый этап характеризовался определенным архетипом как совокупностью, системой определенных институтов, структур, явлений. Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и не получить – в зависимости от конкретных исторических условий и специфики региона.

Основной целью всех революций было устранение носителей старого сознания. При этом чем больше был уровень преемственности с предыдущим этапом, тем ниже потенциал последующего развития. При переходе от одного этапа к другому структурные

изменения происходили в рамках революционного периода как особого состояния общества, имеющего свои внутренние законы.

По нашему мнению, в период неолитической революции основные изменения были связаны не столько с процессом выращивания культурных злаков и одомашнивания скота, сколько с появлением Дома (а не просто жилища), «сознания Дома». Дома как своего Мира. Впоследствии город будет восприниматься как Дом, государство – как Дом.

Главное – не появление различных орудий труда, главное – освоение технологий их изготовления и появления в сознании определенных фундаментальных идей: строительства домов, а не жилищ, выращивания, а не собирания злаковых культур, появления идей высоких температур, вращения, стандартизации.

Период древности в первой половине 1-го тыс. до н. э. разделила на две части, на два этапа эпоха архаических революций, которые имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии, Среднем Китае. Здесь в основе социумов лежали структуры полисного типа. Соответственно, можно говорить о первом и втором этапах исторического развития как ранней и поздней древности.

Неолитический этап исторического развития включал неолит, энеолит, бронзовый век. Переходы между ними не носили революционного характера. Все время сохранялся один и тот же архетип.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального сознания и социального пространства. В период ранней древности отсутствие личности способствовало формированию системы, в рамках которой источником управляющей силы являются божества. Правитель выступал в качестве своеобразного транслятора, распределяя эту силу среди своих вельмож и чиновников. Только ее наличие позволяло принимать решения, осуществлять управление.

В период поздней древности изменения в социальном сознании в первую очередь были связаны с изменением отношений с богами. Народ уже заключает с богами договор, на основании которого получает управляющую силу в собственное пользование.

За поддержание социального пространства, его структуры, функционирования отвечает элита. В период ранней древности в качестве элиты выступало сообщество богов.

Специфика восприятия пространства-времени культурой Ближнего Востока кардинально отличалась от классической греческой.

Мифологическому мышлению пространство представлялось как совокупность отдельных объектов, вещей. Мир вещей был неотделим от мира людей. Имущество являлось своеобразным продолжением человека за пределы тела. Всякая личная собственность обладает духовной властью. Дарообмен (реципрокация) обеспечивал социальную связь между людьми, зависимость одного человека от другого, долговременные обязательственные отношения в социуме.

Первичным источником социальности были хранилища зерна, которые появились еще в период собирательства. Боги появляются позже. Именно помещения для хранения зерна позже становятся храмами. Централизованно хранящееся зерно нужно было распределить между членами общины. Отсюда начинается социальная дифференциация.

Распределение (редистрибуция) различного рода благ становится основой власти в этот период. В первую очередь речь идет о распределении избыточного продукта.

Основой круговорота веществ и энергии в экосистемах является редукция избыточной биомассы. В случае социального круговорота в рамках социального пространства условием его нормального функционирования служит утилизация избыточного продукта. Результатом является в первую очередь строительство часто грандиозных по размерам храмов, пирамид, дворцов, других общественных сооружений.

Организационной формой утилизации избыточного продукта является вождество. Появление избыточного продукта (даже если речь идет о ловле рыбы) сопровождается в обязательном порядке появлением вождества.

В период ранней древности мы имеем только раннее государство, характеризующееся внешними структурами и признаками, присущими собственно государству. Все государства ранней древности не имели заметного потенциала развития (именно развития) и большую часть своего существования находились в состоянии перманентного кризиса. При наличии избыточного продукта вождество сохранялось внутри раннего государства, которое играло роль внешней оболочки.

Социальное пространство как чисто социальный феномен существует в конкретных природно-географических условиях и образует с ними определенную систему – Ойкумену. Формирование Ойкумены происходило путем освоения, очеловечивания геогра-

фического пространства. Ойкумену следует рассматривать как систему, имеющую свою совокупность законов.

В период ранней древности существовала Евроазиатская ойкумена. Все основные технологические достижения неолита появились в ее центре – Передней Азии, а затем распространялись по ее территории вплоть до Китая. Большую роль играла географическая изоляция. Все то, что было характерно для центральной части Ойкумены, появилось в Америке, Тропической Африке с опозданием в 3–4 тысячи лет.

То же самое касается социальных структур ранней древности. Такие социальные институты, как реципрокация, редистрибуция, вождество, мужской союз, на Ближнем Востоке являлись обязательным этапом в развитии социумов. Однако здесь они играли как бы промежуточную роль и не проявили себя внешне, как это было характерно для периферии мировой цивилизационной ойкумены – в той же Африке, Америке, Океании.

В конце каждого исторического периода появляются структуры, внешне похожие на те, что составляют основу архетипа следующего этапа. В ранней древности это было характерно для Новоассирийского, Нововавилонского, Израильского царств и финикийских городов-государств, внешне похожих на полисы. Особенно это касалось Карфагена, который имел все признаки, характерные для античных полисов. Ряд исследователей считают Карфаген таковым. Но все это носило внешний характер и, главное, не имело потенциала дальнейшего развития.

Литература

Аверкиева, Ю. П.

1961. *Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северной Америки*. М.: Наука.

1970а. *Индийское кочевое общество XVIII–XIX вв.* М.: Наука.

1970б. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. *Советская этнография* 5: 33–45.

Альбедиль, М. Ф. 1994. *Протоиндийская цивилизация*. М.: Вост. лит-ра.

Амусин, И. Д.

1955. «Народ земли» (к вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии). *Вестник древней истории* 2: 14–36.

1993. *Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тысячелетие до н. э.) по библейским источникам*. М.: Вост. лит-ра.

Андреев, Ю. В.

1964. Мужские союзы в поэмах Гомера. *Вестник древней истории* 4: 37–40.

1982. *Крито-микенский мир. История древнего мира*. Кн. 1. М.: Наука.

2004а. *Мужские союзы*. СПб.: Алетейя.

2004б. *Гомеровское общество: основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII до н. э.* СПб.: Нестор-История.

Антонова, Е. В. 1998. *Месопотамия на пути к первым государствам*. М.: Вост. лит-ра.

Ардзинба, В. Г. 1982. *Ритуалы и мифы древней Анатолии*. М.: Наука.

Ассман, Я. 1999. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. М.: Присцельс.

Баглай, Е. В.

1993. Социально-классовая структура древнеацтекского общества. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л. Е. Куббеля*. М.: Наука, с. 169–196.

1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 230–258.

1998. *Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй*. М.: Вост. лит-ра.

Баум, Р. 2006. Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, с. 244–266.

Белявский, В. А. 1971. *Вавилон легендарный и Вавилон исторический*. М.: Мысль.

Беляев, Д. Д. 2002. *Древние майя (III–IX вв. до н. э.). Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ИА РАН, с. 130–155.

Беляев, Д. Д., Пакин, А. В. 2009. Правитель и его подданные в государствах древних майя. В: Бондаренко, Д. М., Немировский, А. А. (отв. ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М.: ИА РАН, с. 123–151.

Берзкин, Ю. Е.

1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

1997. Америка и Ближний Восток: формы социально-политической организации в догосударственную эпоху. *Вестник древней истории* 2: 3–23.

2005. Сакрализация власти в доиспанском Перу. В: Бондаренко, Д. М., Андреева, Л. А., Коротчаев, А. В. (отв. ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. 1. М.: ЦЦРИ РАН, с. 140–170.

Берлев, О. Д.

1972. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М.: Наука.

1978. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.: Наука.

1984. Древнейшее описание социальной организации Египта. В: Дандамаев, М. А. (отв. ред.), *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке*. М.: Наука, с. 26–34.

Богословский, Е. С.

1981. Государственное регулирование социальной структуры древнего Египта. *Вестник древней истории* 1: 19–34.

1983. *Древнеегипетские мастера*. М.: Наука.

1984. Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тыс. до н. э. В: Дандамаев, М. А. (отв. ред.), *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке*. М.: Наука, с. 81–127.

Бондаренко, Д. М.

1993. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу возникновения классов и государства. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л. Е. Куббеля*. М.: Наука, с. 145–168.

2001. *Доимперский Бенин. Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: ИА РАН.

2009. Социокультурная норма и ограничения единоличной власти в Бенине при династии оба (XIII–XIX вв.). В: Бондаренко, Д. М., Немировский, А. А. (отв. ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М.: ИА РАН, с. 152–171.

Бондарь, С. В. 2008. *Ассирия. Город и человек (Ашиур III–I тыс. до н. э.)*. М.: Древлехранилище.

Бромлей, Ю. В. (ред.). 1988. *История первобытного общества. Эпоха классовобразования*. М.: Наука.

Васильев, К. В. 1998. *Истоки китайской цивилизации*. М.: Вост. лит-ра.

Васильев, Л. С.

1976. *Проблема генезиса китайской цивилизации*. М.: Наука.

1983. *Проблема генезиса китайского государства*. М.: Наука.

1995. *Древний Китай*. Т. 1. М.: Вост. лит-ра.

Вдовченко, Е. В. 2013. Проблема существования мужских союзов у сармат. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы потестарных систем*. СПб.: МАЭ РАН, с. 182–201.

Вейнберг, И. П.

1973. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н. э. В: Саркисян, Г. Х. (отв. ред.), *Древний Восток. Города и торговля (III–I тысячелетие до нашей эры)*. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, с. 149–161.

1986. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. М.: Наука.

1993. *Рождение истории*. М.: Наука.

Виноградов, И. В. 1982. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов. В: Дьяконов, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.), *История древнего мира*. Кн. 1. *Ранняя древность*. М., с. 112–125.

Гринин, Л. Е. 2020. *Государство и исторический процесс*. Кн. 1. *Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. М.: URSS.

Грот, Л. П. 2015. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти. В: Гедеонов, С. А., *Варяги и Русь*. М.: Русская панорама, с. 245–500.

Гуляев, В. И.

1972. *Древнейшие цивилизации Мезоамерики*. М.: Наука.

1976. О характере торговли у древних майя. *Советская этнография* 1: 78–52.

1979. *Города-государства майя*. М.: Наука.

1993. Скипетр и держава: К вопросу о царской власти у древних майя. *Вестник древней истории* 4: 45–60.

Гумилев, Л. Н.

1993а. *Древние тюрки*. М.: Клышников – Комаров и К.

1993б. *Поиски вымышленного царства*. М.: Танаис.

Демидчик, А. Е. 2005. *Безымянная пирамида: государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.: Алетейя.

Денисова, Т. С. 2012. Африканские конфликты и религиозные ритуалы (на примере гражданских войн в Либерии). *Азия и Африка сегодня* 10: 45–52.

Довгялло, Г. И. 1980. *Становление идеологии раннеклассового общества*. Минск: Изд-во БГУ.

Думан, Л. И. 1970. Внешнеполитические связи Древнего Китая и истоки даннической системы. В: Тихвинский, С. Л., Переломов Л. С. (отв. ред.), *Китай и соседи в древности и Средневековье*. М.: Наука, с. 13–36.

Дьяконов, И. М.

1949. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1959. *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер. М.: Изд-во вост. лит-ры.

1982. Города-государства Шумера. *История древнего мира*. Кн. 1. *Ранняя древность*. М.: Наука, с. 50–64.

Емельянов, В. В. 2001. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Зубов, А. Б., Павлова, О. И. 1995. Религиозные аспекты политической культуры Древнего Востока: образ царя. В: Бонгард-Левин, Г. М. (ред.), *Религии древнего Востока*. М.: Наука, с. 34–84.

Иорданский, В. Б. 1982. *Хаос и гармония*. М.: Наука.

Калюта, А. В. 2000. Воины-орлы и воины-ягуары. К вопросу о мужском союзе у ацтеков. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации: Генезис, функционирование, историческая динамика*. СПб.: МАЭ РАН, с. 123–142.

Кобищанов, Ю. М. 1982. *Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки*. М.: Наука.

Ковалев, А. А. 2002. *Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории*. М.: Изд-во РГГУ.

Козырева, Н. В. 1988. *Древняя Ларса. Очерк хозяйственной жизни*. М.: Наука.

Кондорский, Б. М.

2014. Специфика исторического развития социумов Тропической Африки в свете теории революций. *Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое. XIII Международная конференция африканистов*. М.: ИА РАН, с. 651–652.

2018. Характер влияния природных факторов на социальные процессы с позиций революционной концепции исторического развития. *Чело-*

век и природа: XXVIII Международная конференция «Проблемы глобализирующегося мира». М.: МАКС Пресс, с. 69–74.

Коротаев, А. В. 2002. Северо-Восточный Йемен (I–II тыс. н. э.). В: Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В. (ред.), *Цивилизационные модели политогенеза*. Т. 1. М.: ИА РАН, с. 196–222.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, с. 24–83.

Кочакова, И. С.

1983. *Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время*. М.: Наука.

1993. *Традиционные институты управления и власти*. М.: Наука.

1995. *Размышления по поводу раннего государства. Ранние формы политической организации*. М.: Вост. лит-ра, с. 153–164.

Крюков, В. М. 1988. Надписи на западножюуских бронзовых сосудах из Фуфена. *Вестник древней истории* 1: 96–112.

Крюков, М. В. 1961. Род и государство в иньском Китае. *Вестник древней истории* 2: 3–22.

Куббель, Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.

Кулишова, О. В. 2001. *Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.)*. СПб.: Гуманитарная Академия.

Кулланда, С. В. 1993. Праязыковые этимоны историко-социологических реконструкций. В: Попов, В. А., *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л. Е. Куббеля*. М.: Наука, с. 275–294.

Ладынин, И. А. 2009. «Соколы-Нектанебы»: скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *Вестник древней истории* 4: 3–26.

Машкин, Н. А. 1948. Карфагенская держава до Пунических войн. *Вестник древней истории* 4: 35–54.

Меликашвили, Г. А. 1975. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. *Вестник древней истории* 2: 18–45.

Менадбе, Э. А. 1965. *Хеттское общество*. Тбилиси: Мецниереба.

Молчанов, А. А. 1983. Государственно-политическое устройство Минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции. *Вестник древней истории* 3: 103–115.

Мочалов, М. Ю. 2015. *Ассирийская держава. От города-государства – к империи*. М.: Вече.

Немировский, А. А. 2009. «Если царь с законоустановлением страны не считается...» Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире. В: Бондаренко, Д. М., Немировский, А. А. (отв. ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М.: ИА РАН, с. 44–78.

Нечай, Ф. М. 1972. *Образование римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.

Оппенгейм, А. 1990. *Древняя Месопотамия*. М.: Наука.

Перепелкин, Ю. М.

1966. *Частная собственность в представлении египтян Старого царства*. М.: Наука.

1988. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.: Наука.

2000. *История Древнего Египта*. СПб.: Летний сад.

Периханян, А. Г. 1959. *Храмовые объединения Малой Азии и Армении*. М.: Изд-во вост. лит-ры.

Полякова, Г. Ф.

1978. *Социально-политическая структура пилооского общества*. М.: Наука.

1983. От микенских дворцов к полису. В: Голубцова, Е. С. (отв. ред.), *Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса*. М.: Наука, с. 89–127.

Померанцева, Н. А. 2004. Символика вечности в Древнем Египте. *Восток 3*: 5–16.

Попов, В. А. 1993. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в парapolитейных обществах. В: Попов, В. А. (отв. ред.), *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л. Е. Куббеля*. М.: Наука, с. 132–144.

Прусаков, Д. Б.

1999. *Природа и человек в Древнем Египте*. М.: Московский лицей.

2004. Альтернативные подходы к проблематике древнейшего государства в Египте. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра, с. 132–160.

Рапов, О. М. 1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола. *Советская археология 3*: 62–69.

Романов, В. Н. 1978. Древнеиндийские представления о царе и царстве. *Вестник древней истории* 4: 26–33.

Рыбаков, Р. Б. (ред.). 2002. *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности*. М.: Вост. лит-ра.

Самаркина, И. К. 1974. *Община в Перу: очерк социально-экономического развития*. М.: Наука.

Следзевский, И. В. 1978. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. В: Кобищанов, Ю. М. (ред.), *Община в Африке: проблемы типологии*. М.: Наука, с. 61–132.

Созина, С. А. 1969. *Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки*. М.: ИЛА АН СССР.

Степугина, Т. В.

1950. Социально-экономические отношения в Китае XIV–XII до н. э. *Вестник древней истории* 2: 57–76.

1982. Первые государства в Китае. В: Дьяконов, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (отв. ред.), *История древнего мира*. Кн. 1. *Ранняя древность*. М.: Наука, с. 40–168.

2004. Государство и общество в древнем Китае. *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра, с. 375–448.

Токарев, С. А. (ред.)

1991. *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия.

1992. *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия.

Удальцова, З. В. (ред.). 1988. *История Европы*. Т. 1. М.: Наука.

Франкфорт, Г., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. 2001. *В преддверии философии. Духовные изыскания древнего человека*. СПб.: Амфора.

Циркин, Ю. Б.

2001. *От Ханаана до Карфагена*. М.: АСТ, Астрель.

2004. Финикийский мир и арамейские государства Сирии. *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост. лит-ра, с. 256–299.

Чегодаев, М. 2001. Древний Египет: язык и культура. *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*: сб. статей. М.: ИВ РАН, с. 33–51.

Чэбел, П., Фейнман, Г. В., Скальник, П. 2006. По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, с. 229–243.

Шерашенидзе, Д. М. 1986. *Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера второй половины III тыс. до н. э.* Тбилиси: Мецниереба.

Шеркова, Т. А. 2004. *Рождение ока Хора. Египет на пути к раннему государству.* М.: Практис.

Шифман, И. Ш.

1963. *Возникновение Карфагенской державы.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.

1967. К характеристике царских повинностей в Палестине в первой половине I тыс. до н. э. по данным библейской традиции. *Вестник древней истории* 1: 38–48.

1982. *Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н. э.).* М.: Наука.

1989. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тыс. до н. э.). В: Дандамаев, М. М. (ред.), *Государство и социальные структуры на Древнем Востоке.* М.: Наука, с. 53–85.

2004. Социально-политическое развитие древнего Переднеазиатского Средиземноморья. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В., *Государство на Древнем Востоке.* М.: Вост. лит-ра, с. 226–255.

Юсифов, Ю. Б. 1968. *Элам. Социально-экономическая история.* М.: Наука.

Якобсон, В. А.

1982. *Новоассирийская держава. История древнего мира.* Кн. 2. *Расцвет древних обществ.* М.: Наука, с. 28–45.

1989. Цари и города Древней Месопотамии. В: Дандамаев, М. М. (ред.), *Государство и социальные структуры на Древнем Востоке.* М.: Наука, с. 17–37.

2004. Становление империи и имперской идеологии в Древней Месопотамии. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (ред.), *Государство на Древнем Востоке.* М.: Вост. лит-ра, с. 124–131.

Carneiro, R. L.

1987. Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.

2000. *The Muse of History and the Science of Culture.* New York: Kluwer Academic.

Service, E. R. 1971. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective.* New York: Random House.